

АРТЁМ ПОПОВ

ПЧЁЛЫ И ПАРАЗИТЫ

“Деревенская проза” нового поколения

Сразу от двух молодых столичных критиков услышал упрёк о “паразитировании” на деревенской теме, в частности, на сюжетах и мотивах Василия Белова, Фёдора Абрамова, Валентина Распутина. Высказано это было настолько безапелляционно... Но особенно больно укололо слово “паразитирование”. Стало обидно за тех немногих молодых прозаиков, которые пишут сегодня о деревне. Хотел бросить что-нибудь в сердцах, стгоряча, но понял, что тут всё гораздо серьёзнее — такая легла между нами пропасть, и решил свой ответ на время отложить.

Поэтому для начала две истории.

Украина Вологодской области. Лето. Пылим на машине с другом по грунтовке к полузаброшенной деревне. Денис родился и вырос в селе, работает электриком. Посадил меня в служебную машину в нарушение инструкции, и это далось ему с трудом: парень он правильный. Вдруг впереди увидели старичка, который топает чуть ли не по середине дороги. Хотя вроде и не пьяный.

— Надо остановиться... — говорит Денис и сразу же тормозит. — Мало ли что с ним...

— До Деревеньки подбросите? — заглядывает в кабину старик.

Это название такое — Деревенька. Друг, не раздумывая, соглашается: это почти по пути. В разговоре выяснилось, что дед полуслепой! Вместо нашего “ГАЗа” видел лишь какое-то тёмное пятно. С детства по этой дороге столько им хожено-перехожено. А возвращался он сейчас из магазина за три километра, где покупал курево. И как не сбили местные ухаи за рулём? Довезли мы его и денег, разумеется, не взяли, друг даже обиделся, когда старик вздумал расплатиться...

Тот же год. Москва, аэропорт “Шереметьево”. Заказал такси до Химок. Таксист перезванивает: “Выйдите на трассу. Мне за парковку отдельно платить надо”. Ладно, иду на трассу, хоть я заплатил за всю дорогу. На шоссе

ПОПОВ Артём Васильевич родился в 1980 году в г. Северодвинске Архангельской области. Окончил филологический факультет Поморского государственного университета имени М. В. Ломоносова. Работал журналистом в городской газете. В настоящее время — пресс-секретарь Совета депутатов Северодвинска. Печатался в “Нашем современнике”, “Молодой гвардии”, “Литературной России”, “Севере”, “Доне”, “Двине” и других изданиях. В 2020 году принят в Союз писателей России. Участник Ежегодных Всероссийских совещаний молодых литераторов СПР в Химках в 2019 и 2020 годах (семинары “Нашего современника”).

авто несутся со скоростью сто километров в час, того гляди — снесут. Сел в машину, молодой таксист сразу же обложил матом, мол, долго шёл. Потом содрал столько, за сколько деревенским надо неделю работать.

К чему эти истории? К тому, чтобы ещё раз напомнить, казалось бы, очевидное: в одной стране люди уже давно живут в параллельных мирах. Скажете, и раньше так было?.. Да, было, но не так контрастно выпукло, не с такой постыдной откровенностью.

Это как одна известная либеральная тётка съязвила, увидев в каком-то современном фильме на стене квартиры ковры а-ля СССР: “Да их с начала 2000-х уже ни у кого нет!” Понятно, как она давно она не выезжала за МКАД, в глубокую провинцию.

Скажу прямо: деревенские жители мне симпатичнее многих городских, особенно “столичных штучек”. Пусть и среди деревенских хватает хитрованов, и живут там далеко не все праведно. Но нет в них этого жлобства, сытой наглости, тупой самоуверенности в своей правоте.

Или вот ещё один упрёк от очередного гуру литературной критики: “Герои твои все какие-то неправдоподобно одухотворённые и говорят-то как правильно, без матюгов!” Да, действительно, многие из прототипов моих рассказов в институтах не учились, но никогда не будут материть незнакомого человека, как тот таксист из “Шереметьево”. Скромность и совестливость, деликатность и внутренняя интеллигентность были и остаются в крови у деревенских жителей, а значит, и у моих героев. Ещё пример: в селе подростки по-прежнему первыми здороваются со взрослыми, знакомыми или нет, — неважно.

Но, увы, мир этот уходит. Неужели не надо запечатлеть его хотя бы на бумаге? Да обязательно нужно писать об этом! Не о митингах во всём и всегда правых либералов и не о “крымнашистах” — порой тех ещё оголтелых патриотах, а о работягах, пренебрежительно именуемых “так называемые простые люди”. Но эти простые всегда останутся, даже если инструкция не велит, потому что по-другому не могут.

В одном из рассказов Василия Белова “За тремя волоками” главный герой, возвращаясь после многих лет к своему дому, видит от него лишь остатки печи — опечек. В моём рассказе “Медвежий дом” (простите уж за нескромное сопоставление) главная героиня тоже мечтала увидеть спустя годы родную деревню, но не смогла даже её найти — вся дорога заросла лесом, а в полу-сгнившем срубе отчего дома поселилась медведица с медвежонком... Разве искусственно повторял я этот сюжет? Разве не вечен этот мотив пути-дороги к Дому? Не восходит ли он к библейским сюжетам и мотивам: свободы, страданий, казни, прощения, милосердия?..

Влияние прозы Фёдора Абрамова, Василия Белова, Валентина Распутина в подростковом возрасте для меня было определяющим. Возможно, не решился бы писать, не прочитав их запоем в своё время. Но чтобы подражать им напрямую, “косить”, как сейчас говорят, под них... Да всё это просто въелось в кровь навсегда, помимо моей воли: “обождать” (подожждать), “зарод” (стог), “баской” (красивый), “шибко” (очень), “куть” (кухня), “поветь” (сеновал)... Все эти слова и сегодня можно услышать в деревнях Русского Севера.

Думал ли я, что осмелюсь писать о деревне после “Пряслиных” и “Привычного дела”? Помните, как в “Печальном детективе” у Виктора Астафьева главный герой Сошнин замирал перед чистым листом? Да никогда бы не решился, если б не понял однажды, что у каждого своя деревня, в свой временной отрезок. А пишем, в общем-то, об одном: медленном умирании сельской жизни, о конвульсии последних деревушек. Вместе с ними уходят и колоритные топонимы: Истопная, Загарье, Шея, Осница... Тут не подходит чеховский совет: не могу не писать о том, от чего сердце сжимается. “Если и писать о деревне, то только честно”, — завещал Фёдор Абрамов, столетний юбилей которого мы отметили в этом году.

“Деревенская” проза продолжается, скорее, вопреки всему, стоит поперёк литературного процесса. Существует, преодолевая снобизм модных критиков. Да и само это направление современной литературы тоже неоднородно. Взять, к примеру, сибирского автора Андрея Антипина, уже признанного прозаика, обласканного престижными премиями. Язык его произведений, на мой — и не только на мой — взгляд, кажется несколько вычурным, даже излишне “филологичным”. Нет, конечно, литература должна возвышать читателя, но стремиться нужно к простоте.

Как раз к такой народной простоте движется вологодский прозаик Наталья Мелёхина. Правда, одни это ставят в упрёк, другие называют «Беловым в юбке». Но нельзя отрицать, что сегодня Наталья Мелёхина — один из ярких представителей «деревенской прозы».

Прекрасно знает деревенскую натуру, характеры, детали быта писательница Ирина Мамаева из Петрозаводска: «Ленкина свадьба», «Земля Гай» и другие работы. Своеобразная манера повествования, глубокий психологизм отличает Ольгу Гришаеву из Омской области. Вспомню «Невесту» и другие её рассказы. Нельзя не сказать и о прозе Натальи Ключарёвой (она родом из Перми). Достаточно назвать одну из самых известных её вещей — «Деревню дураков». Все они пишут о том, что сами хорошо знают, о деревне периода упадка, «нулевых» годах. У них нет слепого подражания классикам «деревенской прозы», а есть продолжение традиций, следование им.

Прозу этих авторов условно можно назвать прозой сорокалетних. К ним подтягиваются и тридцатилетние. Например, ещё один интересный вологодский, точнее, великоустюгский автор, — Антонида Смолина. Её рассказы напечатал ряд толстых литературных журналов, и на Ежегодном Всероссийском совещании молодых литераторов в Химках в 2020 году её рекомендовали в Союз писателей России. Не потому ли много талантливых авторов на Вологодчине, что это вторая область в России по числу умерших деревень? Вот и пишут вологжане сквозь слёзы.

Но будет ли «деревенская проза» у двадцатилетних? А вот это большой вопрос. Старшее молодое поколение ещё успело пообщаться с бабушками-дедушками, которые пережили Великую Отечественную, помнят голод в колхозах, а в памяти сохранили и рассказы своих родителей. Это и есть живая история, переданная из уст в уста. А что увидят двадцатилетние в деревне? Кого спросят у пустующих домов с выбитыми окнами-глазницами? В лучшем случае сохранятся названия деревень, ставших дачными посёлками.

Можно назвать ещё несколько молодых и не очень молодых авторов, подхвативших деревенскую тему, в том числе «чернушников», не гнушающихся и матерными словечками. Но не о них сейчас речь.

«Ну, напишете вы обо всех своих бабках и дядьках, и что дальше?» — сказал мне как-то на форуме оппонент-эстет. (К слову, тут явный отсыл к сильной повести «Дядька» Андрея Антипина.) Ответил тогда: в другой деревне живёт пусть не бабка и не дядька, но не менее интересная тётка. Живёт одна во всей деревне, а когда-то работала в театре в Ленинграде... Чем не сюжет? И вот ищу трактор до этой-то как не было, так и нет, весь асфальт в Москве), чтобы добраться до этой деревенской актрисы. Чем-то напоминает труд пчёлки, перелетающей с одного цветка на другой... Ну, никак не сравнить с паразитами-трутнями!

Отношение у столичных критиков к «деревенской прозе» ещё с советских времён было в лучшем случае снисходительным. Таким остаётся и сейчас. Слава богу, не везде. В той же Вологодской области учреждены два Всероссийских литературных конкурса памяти Василия Ивановича Белова. Большое видится на расстоянии...

Одобрят творчество молодых «деревенщиков» старшее поколение литературных критиков, которое ещё застало Белова и Распутина. На Ежегодном Всероссийском совещании молодых литераторов СПР опытный мастер, как могут, поддерживают пишущих о деревне. Назову здесь лишь первого заместителя главного редактора журнала «Наш современник» Александра Казинцева или председателя Краснодарского регионального отделения СПР Светлану Макарову-Гриценко. Светлана Николаевна однажды хорошо сказала: если потеряем деревню, потеряем нравственность.

Как раз в Краснодарском крае с сельским хозяйством, в отличие от других регионов России, дела обстоят получше. Но все эти гигантские агрохолдинги, где коров не пасут на лугах, а обслуживают роботы, ничего общего не имеют с той патриархальной деревней, обычаями и устоями, о которых сожалели Белов и Абрамов. Вспомню ещё раз Фёдора Александровича: «Русская деревня — это та нива, на которой всколосилась вся наша национальная культура, наша этика, нравственность, наша философия, если хотите, наш чудо-язык».

Каково сегодня отношение государства к деревне, можно судить по СМИ. Видели ли на федеральных каналах сюжеты о посадке овощей или

уборке хлеба? Нет, конечно, вот “посадка” чиновника – это да, это интересно. А труд крестьянина разве интересен?

“Ну, наивный ты человек, – скажут опять мне. – Умрёт всё равно твоя деревня под гнётом урбанизации, оптимизации и прочей -ции”. Но тем ценнее наши старания запечатлеть *последних из могикан* русской деревни. Пройдёт ещё совсем немного времени, и писать, возможно, станет просто не о ком и не о чем – исчезнет деревня с её рублеными домами, многовековым укладом, не будет гостеприимных жителей с душой нараспашку: “Без пирогов не отпущу!”

В общем, не хотел, но всё-таки устроил “плач” по деревне! Но ведь и Слово многое значит. Пусть будет больше очерков, рассказов, повестей, романов. Лишь бы были написаны искренне, через боль, а значит, живые и настоящие.